

Александр Нотин

АЗЫ ДУХОВНОЙ ГРАМОТНОСТИ

Конспект занятий

Занятие 5. О вечности

Без идеи бессмертия души нет, не может быть и истинной веры.

Мало того, ложное понимание вечности и вечной жизни отравляет и искажает даже эту, нынешнюю, земную жизнь. Посему весь дальнейший разговор о том, что есть душа, должен быть упрежден хотя бы кратким обзором наиболее распространенных представлений о бессмертии: от низшего из них — материалистического до высшего — христианского. Вообще, если задуматься, в мире нет ни одной цельной мировоззренческой платформы, которая бы совершенно отрицала вечную жизнь. Вопреки расхожим мнениям, не отрицает её и атеистический материализм — он лишь понимает её по-своему. (Не зря же атеизм собираются даже включить

в справочники «Религии мира» как особую религию, 90 процентов которой строится на чистой вере.) Согласно материалистическим представлениям, душа (и личность) как некое отправление или гармония организма уничтожается вместе с самим организмом; однако с распадом тела последнее не исчезает бесследно, а сохраняется в природе — входит в другие тела и образует новые формы жизни. Вот, дескать, где бессмертие человека. На это мы отвечаем: ведь вы говорите только о бессмертии стихий и сил природы. Причём здесь человек и его душа? Такое бессмертие — бессмертие «обмена веществ» есть грубая насмешка над действительно бессмертным человеком. Вспомним у Шекспира в «Гамлете»: «Кто поселял в народах страх, Пред кем дышать едва лишь смели, —

Великий Цезарь — ныне прах, И им замазывают щели!». Второй тип бессмертия (вернее, его трактовку) предлагает пантеизм. Поскольку здесь душа представляет собой проявление некоей абсолютной субстанции — безликого Бога, то она и должна по смерти вернуться в эту субстанцию, навсегда теряя свою самобытность и личность. Что-то вроде морской волны: вот она показывается из ровной глади воды, вот обретает форму и, наконец, исчезает. Согласимся: от материализма это мало чем отличается. Та же вечность, но не для души человеческой с её уникальными личными чертами и опытом, а для инертного и равнодушного Абсолюта. Лучше других пантеизм описан у Шиллера: «Смерть страшна для тебя? Ты хочешь быть вечно бессмертным? В целом живи: ты умрёшь, — целое ж всё будет жить». Третья разновидность мнимого бессмертия — это так называемое бессмертие историческое. Суть этого подхода, весьма распространённого и живучего как в бытовом, так и в философском сознании наших дней, предельно проста: мы живём в добрых делах, совершаемых нами при жизни. И опять: перед нами некая фигуральная идея, уводящая в сторону от собственно бессмертия (то есть жизни за гробом) души. В самом деле, не исчерпывается

ведь наша личная жизнь некими «делами», оставляемыми нами потомкам. А как быть с другими делами, совершенными нами? Куда они деваются — в небытие? Или как быть с теми добрыми, но скромными людьми, о которых практически не остаётся памяти (или тех же потомков — всяко бывает)? Наконец, в исторических хрониках на первых ролях блистают вовсе не святые и подвижники, а в основном тираны и деспоты. Четвёртый вид вымышленного бессмертия — так называемое родовое бессмертие. Вкратце это утверждение о том, что целью существования каждого поколения является порождение следующего поколения. «Я живу только ради своих детей!» — эту фразу слышишь на каждом углу. Но тогда, рассуждая логически, мы должны признать, что жизнь каждого поколения (и отдельного человека), как таковая, абсолютно бессмысленна, ибо смысл её — не в ней самой, а в чём-то или ком-то ещё. Или иначе: идея вечной жизни в данной постановке вопроса, скорее, предстаёт идеей вечной смерти: чтобы дать жизнь, надо умереть. Таково оно, мнимое родовое бессмертие. Нетрудно заметить, что все вышеназванные системные представления о бессмертии, пронизывающие и пропитывающие человеческую культуру с древнейших времён,

сходятся в одной точке — они отрицают и стирают личность человека после его смерти. «Между тем, — писал Е. Тихомиров, — человеку, как единственному в природе личному существу, должно принадлежать и бессмертие личное, а не такое, какое принадлежит всем прочим предметам и тварям природы». Да, со смертью животного, не обладающего личным сознанием, закономерно умирает и душа его; каждая особь флоры и фауны существует лишь для выживания своего рода, и его роль легко может быть восполнена другой, соседней особью. Но человек — не животное, ибо в нём есть нечто от Духа Господня. Ни одна суверенная человеческая личность не может механически заместить собою другой суверенной личности, так как в каждой из них содержится целый духовный мир — неповторимый и во многом непостижимый даже для себя самой. Этот мир существует не только для других личностей, но и для себя — как таковой.

Мы — живые, сознающие и познающие клетки трансцендентного тела Христова, духовные атомы, подобия Божии!

Итак, по разлучении с телом душа не гибнет, но продолжает своё существование как существо личное, самосознающее, разумно-нравственное, с сохранением

памяти о прожитой земной жизни. Человека ожидает не вечная смерть, но вечная жизнь. В другой форме — это правда, но без утраты коренных основ бытия человека: способности к познанию и личности. Таков онтологический и гносеологический корень всей христианской антропологии, всего православия как религии спасения.

Занятие 6. Идея вечности и наша жизнь

В прошлый раз мы кратко назвали основные подходы к пониманию вечной жизни: материалистический, пантеистский, исторический, родовой и, наконец, христианский. Пришло время поговорить теперь о самой идее вечности и её значении для человеческого бытия.

Более или менее глубокое осознание каждым из нас факта бессмертия собственной души это не просто некое отвлеченное знание. Нет и нет! Это тот стержень, от прочности которого зависит качество неопределимо короткого нашего пребывания на земле. Кто из нас точно знает, где, когда и как он умрёт? (О смерти в дальнейшем мы ещё будем говорить, и не раз.) Конечно, никто. Внезапно Судия придёт, — говорится в Евангелии, — и деяния каждого обнажатся. В этой короткой

фразе все слова весомы и значимы слов, и одно из них — слово «внезапно». Итак, я точно знаю, что умру, но зачем я живу, доподлинно не знаю. Дальше логика проста. Если я здесь только случайный гость, неизвестно как, кем и с какой целью заброшенный на планету Земля, если не сегодня завтра я обращусь в нуль и кану в небытие крошечного мрака, то о каком назначении, ответственности или нравственном уставе моего существования вообще может идти речь? Сама мысль о смерти, лишённая перспективы личного бессмертия, рано или поздно подточит и сокрушит самое толстокожее сознание...

Если задуматься, нельзя не признать: идея бессмертия — единственный реальный ориентир, указывающий на цель и смысл бытия человека. «Без высшей идеи, — писал Ф. М. Достоевский, — не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна, и, именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные высшие идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из неё одной вытекают».

Каково же практическое значение этой идеи в нашей жизни?

Первое — она помогает преодолеть подспудную тягу человека к смерти, к самоуничтожению, к самоубийству, которая неотвратимо и нарастающим итогом об-

наруживает себя в любой языческой среде. Цепочки причин, влекущих человека к гибельному рубежу, всегда различны, но в основе их мы чаще всего находим следующую мотивацию: «Жизнь надоела — не стоит жить!» Материальный мир слишком изменчив и противоречив, чтобы удовлетворить сознание, хотя бы немного возвышающееся над животным уровнем. Непонимание сути смерти как перехода из одной формы бытия в другую, гнетущий ужас перед неизбежным концом и отсутствие трепетной ответственности за свою вечную душу (при бессознательном ощущении ею «холода вечной бездны») — вот, что часто толкает человека на злейшее из преступлений — насильственное пресечение собственной жизни.

Второе — идея вечной жизни придаёт необычайно острый и пряный вкус каждому прожитому мгновению. И, заметим, почти безотносительно «бытовых» условий существования. С этой идеей можно быть счастливым в тюрьме, без неё — бесконечно несчастным даже в дворцовых чертогах. Она, с одной стороны, в значительной степени растворяет животный страх смерти, освещая его немеркнущим светом истины; с другой — наполняет чувством долга и осмысленности каждый прожитый миг, каждый

Занятие 7. Происхождение души

вздых, каждый сделанный по земле шаг..., ибо не знаем дня и часа исхода души нашей из тела.

Третье — эта идея представляет собой единственное начало, способное на протяжении всего жизненного пути, каким бы трудным он ни выпал, удерживать человеческое естество в границах нравственного закона; да и сам нравственный закон имеет вес лишь в контексте продолжения бытия души за гробом; он превращается в совершеннейшую абстракцию без оного. Без перспективы вечности человеку вообще сложно остаться человеком и не удариться из одной крайности — самоубийства в другую — оскотинивание или посвящение всего себя удовлетворению низших животных страстей, следуя известному эпикурейскому правилу: «Станем есть и пить, ибо завтра умрём!».

Наконец, четвёртое — идей вечной жизни служит путеводной звездой, указывающей человеку путь к Богу. Ибо Бог есть сущее и всё во всём. И Он есть вечность, которая являет себя, разумеется и в этой, временной, земной жизни (правда, видим Его мы «гадательно, как бы сквозь мутное стекло»), однако, с наибольшей силой и резкостью — ТАМ, за смертным рубезом, когда освобождённая от телесных оков душа навсегда воссоединится с миром, откуда она родом.

Этим семинаром мы начинаем цикл занятий о душе человеческой, её происхождении, сущности (характеристиках, свойствах и функциях) и, наконец, её последней судьбе в вечности.

Сразу оговоримся: речь идёт об одном из самых трудных разделов христианской антропологии. «Вот стар я уже, — писал блаженный Августин, — а и теперь так же не понимаю тайны происхождения души, как не понимал в юности». Тайна — вот, пожалуй, самая верная характеристика происхождения и бытия души. Не потому ли, касаясь этих тем, Святые отцы предпочитали окружать их благоговеиным молчанием, нежели объяснять?

Резюмируя всё наиболее важное, что сообщает нам в этой связи Писание и духоносные Отцы, попытаемся кратко изложить учение православной церкви по данному вопросу. Вопреки широко распространённой в древнем мире (Пифагор, Платон, Порфирий и др.) гипотезе о предсуществовании душ наша церковь всегда держалась и поныне держится мнения о том, что они творятся Богом.

Пятый Вселенский Собор выразил эту позицию достаточно ясно: «Церковь, последуя божественным словам, утверждает,

что душа творится вместе с телом, а не так, чтобы одна творилась прежде, а другое после...». Творение души есть не непосредственное творение Божие, но посредственное: Бог творит человеческие души, как и тела, силою того самого благословения («плодитесь и размножайтесь»), которое Он даровал нашим праотцам ещё в начале, творит не из ничего, а от душ родителей. Хотя души получают бытие через творение, однако, по учению Церкви, происходит это так, что на них переходит зараза прародительского греха.

Когда же именно творятся человеческие души и как они соединяются с телами?

Образование вещественного тела, учат Отцы, происходит в материнской утробе постепенно, а душа — существо простое (ударение на последнем слоге) — может твориться только мгновенно.

По мнению Кирилла Александрийского, Августина, Феодорита и др., душа даётся от Бога, «в то время, когда тело образуется уже и соделывается способным к принятию оной».

Отсюда вывод: младенец ещё в утробе матери, то есть до своего появления на свет уже имеет образ Божий, уже становится «изображённым».

Какие наиболее распространённые заблуждения на этот счёт встречаются в наши дни?

— Например, говорят, будто души, как и тела, происходят от семени родителей. Оно ложно и вредно потому, что отсюда следует утверждение о вещественности человеческой души и её, следовательно, смертности вместе с телом. Далее, мнение о том, будто души происходят сами собой от души родителей подобно тому, как тела происходят от тел — такое допущение ведёт к признанию делимости души и дальше, опять-таки, её вещественности и смертности. Наконец, некоторые ошибочно считают, что души человеческие творятся Богом из ничего и посылаются им в тела — это противоречит одному из ключевых догматов православия относительно распространения первородного греха от родителей на детей путём естественного рождения.

Особо же распространена (и, к сожалению, встречается даже и православной среде) гипотеза предсуществования душ, имеющая многочисленные и разнообразные ответвления, в том числе и совершенно не христианские: иудаизм, индуизм и др.

Эта гипотеза предполагает, что все души человеческие существуют от создания мира, и до вселения в тело пребывают либо в соединении с Богом, либо в т. н. мировой душе, либо

странствуют по телам животных, ожидая (в награду или в наказание) своего соединения с человеческим телом.

В своё время в опровержение подобных взглядов решительно выступили Иустин Философ, Григорий Нисский, Василий Великий.

Их аргументация вкратце сводилась к следующему:

Во-первых, против этого протестует весь наш жизненный опыт: коль скоро мы не помним ничего из своей «прошлой жизни», само допущение о некоей награде или наказании души как предпосылке их вселения в тело становится абсурдной.

Во-вторых, непонятно (и не может быть никак объяснено), чем и где была душа до соединения с телом, что она делала, для чего направлена в тело и др.

В-третьих, искажается правильное понимание роли самого тела, которое, в свете этого лжеучения, становится случайным (и потому малозначимым) местом вместилищем души.

В-четвёртых, идея существования открывает простор для дальнейших фантазий и измышлений, к примеру, для той же широко популярной сегодня идеи реинкарнации душ, совершенно уводящей от подлинного христианства.

Занятие 8.

О бессмертии души

Это выглядит, по меньшей мере, странно, но весь наличный, весь чувственный опыт человека и человечества, кажется, на корню отвергает саму идею бессмертия! Каждую секунду смерть, пожиная свою жатву, вызываясь попирает её.

И всё же мысль о вечности, как о месте законного обетования некогда смертных людей, была актуальна во все времена и у всех народов.

Да и в каждом из нас, право, в какие-то моменты (у кого-то — сильно, у кого-то — еле-еле) присутствует это чувство бессмертия. Что это — фантазия, мечта? Или некая реальность, скрытая до поры до времени? В арсенале христианской апологетики найдётся целая система доказательств бессмертия души. Однако, следуя заведённой на портале «Переправа» традиции (всё-таки наша цель — постижение азов веры, а не академическое богословие), мы коснёмся лишь некоторых наиболее ярких и убедительных аргументов. Условно разобьём их на три группы.

1. Первая группа доказательств бессмертия души связана с разумностью человека. Развитие разума есть главнейшая и неоспоримая цель бытия homo sapiens.

Более двух тысяч лет тому назад Аристотель изрёк: «Всякий человек имеет естественное желание знать». Но на что же, прежде всего, указывает история познания, история наук? А свидетельствует она о том, что знание бесконечно: раздвигая границы познаемого, мы всякий раз неизменно расширяем и периметр непознанного. И так — до бесконечности, сколь бы ни старался научно-технический прогресс догнать свою тень. И вот уже Сократ признаётся: «Я знаю одно — что ничего не знаю». И вот уже каждому честному исследователю ясно, что вершины истины недостижимы, и на вопрос, «что есть истина?», он должен ответить словами апостола Павла: «Теперь мы видим как бы сквозь мутное стекло, гадательно» (1 Кор. 13,12). И как в этом контексте искренне звучит смиренно-горькое признание одного из величайших умов современности Исаака Ньютона: «Я не более, как ребёнок, собирающий раковины (крупницы знания. — А. Н.) на морском берегу...».

У странного и досадного тупика познания может быть только два объяснения. Либо природой (а значит, и Богом?) допущен какой-то сбой, в результате чего человек, единственный из всей твари, оказывается неспособным до конца реализовать себя и свою естественную тягу к познанию мира;

«человек слишком широк для этого мира — его нужно бы сузить» (Ф. М. Достоевский). Но это априори нонсенс, ибо Бог не только всеблаг, но Он ещё и всемогущ, и созданный Им мир представляет собой столь безупречную гармонию, порядок, экономию и бережливость, что любое сомнение в несовершенстве какой-либо из его частей выглядит как кощунство. Это равно касается и мельчайшей песчинки, и гигантских новых звёзд. Чего уж говорить о человеке — «любимом чаде Божиим»?

Но, если отбросить первое допущение, тогда не остаётся ничего иного, как признать (притом признать твёрдо), что истинное назначение человека не ограничивается ЭТОЙ, земной жизнью, и развитие его ума будет иметь продолжение в ТОЙ жизни, в вечности, где нет, и не может быть никаких пределов. «Таким образом, — резюмирует Е. Тихомиров, — бесконечное развитие человеческого ума требует бессмертия человека».

Именно эту важнейшую мысль выражает апостол Павел, утверждая: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а когда стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадатель-

но, — тогда же лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, — а тогда познаю, подобно как я познан».

2. Вторая группа доказательств бессмертия души апеллирует к природе человеческой воли. У неё, как и у разума, тоже есть свой идеал. Это осуществление добра. Как ум мечется в погоне за ускользящей от него истиной, так и воля блуждает и спотыкается, ища своего. Чего же своего? — спросите вы. Ищет она, не всегда даже осознанно, того, что именуется нравственным идеалом. В православии это святость, богоподобие, обожение: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (Мф. 5,48). Человек знает, ощущает, что идеал это не мира, что он существует; «душа человеческая — по природе христианка» (Тертуллиан). Однако, достичь этого идеала невероятно трудно, ибо воля наша — через призму совести — непрерывно испытывается ещё одним даром Божиим — свободой.

Изначально повреждённая природа человека, по словам Святых отцов, «удопреклонима к греху». Легче катиться вниз по наклонной плоскости, чем карабкаться вверх. Да, и какое достоинство претворять свою свободу в бездействие, апатию, угождение плоти и животным страстям? Достоинство свободы (и самая суть её!) заключе-

на в преодолении сопротивления плоти, в труде и победе над главным врагом всякого человека — самим собой, «тлеющим в похотях прелестных». А этот путь, как и земной путь разума, нескончаем, этот идеал фактически недостижим. Осуществил на его практике один лишь Христос, но Он был богочеловеком. Нам же определено иное: всяк человек ложь, и нет на земле человека, который, прожив, не согрешит. Не потому ли даже апостол Христов однажды сетует в сердцах: доброго, чего себе хочу не делаю, а злого, чего не хочу, делаю!

Итак, нравственное совершенствование не может удовлетвориться земным уровнем, а требует более широкого поприща. Требует оно возможности реализации в вечности. «Остановка в начале пути, на исходном пункте развития, ненормальна так же, как ненормально пребывание в младенческом возрасте в течение всей жизни». **3.** Помимо ума, жаждущего познания, и воли, естественным и здоровым побуждением которой может быть только нравственный рост, человек одарён ещё сердцем, мечтающим о счастье. С ним, с сердцем, связана третья группа доказательств бессмертия души.

Жизнь человека можно определить как погоню за счастьем, благом, блаженством. Но много ли

среди нас безусловных счастливыхчиков? Найдётся ли хоть один? В молодости явное несчастье больше удивляет, чем ужасает; «птица счастья» кажется близкой и доступной... Но затем неотвратимые удары судьбы — несчастья и болезни — открывают глаза. Надежды и иллюзии сменяются разочарованием. И, в конце концов, все мы в душе вынуждены согласиться с царём Соломоном, имевшим в своей жизни, кажется, всем, что должно составлять счастье: «Всё суета сует!»

Но если на этом свете нет ничего, что могло бы обеспечить человеку полное счастье, не получаем ли мы ту же, что и в двух первых случаях (группах доказательств бессмертия души) антиномию: человек не может на земле получить то, к чему призван. И если конечные цели ума, воли и сердца достижимы (а они должны быть достижимы!), то не ЗДЕСЬ, не в этой скоропреходящей, непрочной и непостоянной реальности, а там, куда душа устремится, однажды разлучившись с телом. Здесь мы имеем только предчувствие счастья, но не его само. Только соединившись — но не автоматически, а вследствие духовных подготовительных трудов и борьбы — с Вечным Источником всех благ — Богом, обретем мы искомое счастье. Это будет, по Евангелию,

на новом небе и на новой земле, где Господь «отрёт всякую слезу с очей наших, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо всё прежнее пройдёт».

Душа человеческая бессмертна — не случайно Святые отцы считали тело наше лишь временной темницей для неё, а жизнь на Земле — «скоропреходящей ночью бытия». Только уяснив это, а ещё лучше — укоренив это сознание в себе с некоторой дрожью, смущением и восхищением, можем мы ступить на единственный (и для каждого свой) «узкий путь» веры, ведущий в Жизнь. Только так — с помощью Божьей — раскроются личные таланты и силы, скованные болезнями и слепотой души, её неверием в собственное вселенское достоинство и вечное призвание. Только так можно спокойно, открытыми глазами взглянуть на устрашающее явление — физическую смерть. Но об этом — в следующий раз.

Занятие 9.

Душа безгранична

На предыдущих занятиях (Азы 1–8) мы коснулись, в основном, вопросов происхождения и сущности (характеристик) души. Установили, что, согласно христианской антропологии, она творится Богом опосредованно и несёт на себе отпечаток заразы прародительского

греха. Убедились, что душа вечна и, следовательно, является законным представителем в человеке со стороны незримого духовного мира, с которым она соединяется после разлучения с телом — смерти. Признали, что в душе больше таинственного, чем очевидного.

В самом деле, если задуматься, много ли мы знаем о своей собственной душе, не говоря уже о чужих душах, которые вообще — «потемки»? Гораздо легче смириться с мыслью о том, что душа это бескрайная и непостижимая вселенная со своими галактиками и кометами, сверхновыми звёздами и чёрными дырами. Всю жизнь мы силится разгадать её тайну, но всякий раз, проходя через те или иные испытания, мы словно бы заново знакомимся с нею и... не перестаём ей удивляться.

Итак, ещё одна характеристика души — её безграничность. Если тело обладает явной и грубой материальностью — его можно потрогать, измерить, взвесить, понюхать, наконец, — то душа совершенно эфемерна. Её взаимоотношения с телом не так уж просты, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, душа заключена в тело как в «кожаные ризы», как в некую капсулу, скафандр или даже, по словам Отцов, «темницу». Она стиснута и стеснена

этими «ризами» и принудительно удерживается внутри них до самого смертного рубежа. С другой, душа явно свободнее тела в своих функциональных отправлениях. В частности, время и пространство, сила тяжести и плотность материи для неё, очевидно, во многом условны.

Простой пример: я смотрю на далёкую звезду и воображаю себя на ней. Где я нахожусь в этот момент? Телом, безусловно, здесь, на земле. А мыслью, душой? Может быть, и здесь, а может, и там — на другом конце вселенной.

Эту особенность души, причастной Богу и ТОМУ миру, замечали и отмечали все выдающиеся мыслители прошлого.

«Ты согласен, — говорил Сократ, — что твой ум, живя в твоём теле, управляет им, как хочет: должен согласиться и на то, что Ум, живущий во всём, всё устоит так, как Ему угодно. И твоё око может простираться на много стадий, *: а око Божие будто не может обнять всё одним взором? И твоя душа может обтекать мыслью и здешние места, и страны Египетские и Сицилийские — неужели же Божья мысль не в силах обнимать всё существующее?»

А воспоминания прошлого или мечты о будущем? Что это, как не отблески истинного, божественного происхождения души, её потенциального могущества,

сдерживаемого до поры теми же «кожаными ризами». Что это, как не проявления её свойств, ограниченных фактом временного обитания в телесных узах? Всё увидим, и всё узнаем, утверждал апостол... , когда умрём!

Впрочем, кое о чём мы можем догадаться уже теперь, особенно, если будем внимательны к себе и окружающему миру. Если физические тела людей, подобно горошинам, рассыпанным по столу, символизируют одиночество каждого из них и разобщённость всей общности (человечества), то изливания индивидуальной души по определению не могут быть ничем и никак изолированы. Каждый из нас ежесекундно «производит» некоторое количество духовной энергии. И даже если это энергия мысли и чувства (энергия «тайных дел человеков») никак вроде бы не проявляет себя вовне — в словах и действиях, — даже в этом случае мы, хотим мы того или нет, делаем личный незримый взнос на точные весы добра и зла в масштабах человечества. И тем самым в какой-то мере определяем вектор его развития и конечную его судьбу.

Святые отцы учат, что душа и тело сосуществуют неслитно и нераздельно.

Неслитно — в том смысле, что это всё-таки отличные друг

от друга, хотя и связанные между собой сущности; они соединены в одно целое, но только на время земного бытия человека, по истечении которого разлучаются. Впрочем, и разлучаются-то условно: исходя из тела, душа сохраняет (как? — точно не знаем) полную информацию о нём, что позволит Господу после Страшного суда возродить наши тела в точности такими, каким они были на земле, но в ином, «адамовом» естестве.

Нераздельно — ибо в период земной жизни душу и тело невозможно отделить друг от друга, как невозможно отделить кошку от съеденного ею куска мяса.

Человек представляет собой целостное, нерасторжимое (до поры) единство души и тела, его личность определяется состоянием и изменением одновременно и той и другой ипостаси, а не какой-то одной из них в отдельности. Соответственно, пренебрежение фактом этой целостности (особенно односторонне — в пользу тела, что сегодня стало обычным явлением) болезненно сказывается на здоровье и преуспевании личности в целом. Казалось бы, тезис этот чисто умозрительный, но как важно помнить о нём и учитывать его в повседневной жизни!

Являясь разновидностью тонкой энергии (энергии тонкой

Занятие 10. Тонкая материальность души

материальности), душа человека активно влияет на внешние по отношению к телу психические поля и объекты, причём радиус этого воздействия, очевидно, весьма велик, а интенсивность — и того больше. Последняя, очевидно, зависит от ряда факторов: характера человека, его положения в обществе, рода занятий, вектора духовного действия — положительного или отрицательного. Индивидуальные души генерируют незримые токи — эти тонкие, невидимые плазмы пересекаются, накладываются одна на другую, вступают в сложные взаимодействия, рождают причудливые узоры — картина, думаю, была бы удивительной, космической, фантастической, если бы только... если бы только мы могли её воочию видеть.

Впрочем, увы, скорее всего в ней сегодня преобладали бы мрачные тона: даже официальная, склонная приукрашивать действительность и далёкая от Истины рациональная наука признаёт, что мировосприятие современного человека на две трети негативно — отсюда стрессы, неврозы, алкогольный и наркотический аутизм, тяга к виртуальным формам существования, наконец, суицидальные наклонности, ставшие подлинным бичом человечества. И всё это — неизбежная плата за духовную слепоту и невежество.

Как мы убедились, в природе души человека больше тайного, нежели явного и известного. Постоянно помня об этом, смиряя свою «председательскую железу» и жажду познания, сделаем очередной шаг вперёд к ликвидации нашей всеобщей — досадной и смертельно опасной — духовной неграмотности. Попытаемся разобраться в ещё одной (и весьма важной для наших дальнейших изысканий в области духовного) характеристике души — её материальности.

Конечно, речь идёт о материальности иного рода, чем грубая и улавливаемая всеми пятью органами чувств материальность физического тела. С некоторой долей условности её можно назвать тонкой материальностью.

Американцы — великие доки до всякого рода экспериментов и замеров — недавно изловчились и определили... вес души. Путём мгновенного замораживания и взвешивания тела до и сразу после смерти они установили, что в момент кончины покойник теряет около двадцати граммов своей массы — это, очевидно, и составляет средний вес человеческой души.

Данное исследование не противоречит — напротив, оно только подтверждает основные положения православной антропологии.

Во-первых, смерть наступает не в момент прекращения жизнедеятельности тела (так, сердце сохраняет способность к регенерации — *едину сердцу живу быти* — в течение сорока дней после физической кончины человека — дольше любого другого органа), а в момент истечения, точнее, изъятия из него души. Вспомним, что Господь говорит размышлявшему о будущем богачу-виноградарю: *Безумец, сию же ночь изжгены души твою вон!*

Во-вторых, душа как сущность тварная, то есть сотворённая актом Божьего промысла (об этом уже говорилось раньше) должна иметь некоторую материальность, ибо истинно нематериален только сам Господь, Который есть дух. С другой стороны, эта материальность носит, очевидно, иной характер, нежели материальность тела, поскольку душа создана *от дыхания Божия*, в то время как тело — из земли. Соответственно и пути этих двух частей, неслитно и нераздельно сосуществующих в человеке до его кончины, различаются: тело по принадлежности возвращается туда, откуда пришло, — в землю, душа же воссоединяется со своим перво-

источником — незримым и бесплотным духовным миром.

По мнению некоторых православных Отцов местом пребывания души в период земной жизни человека является кровь. Точно утверждать это нельзя, поскольку существуют и иные, не менее авторитетные мнения — что душа, например, пронизывая всё тело человека, всё же не смешивается с ним, и что кровь это образ души, но не она сама. В подтверждение этого тезиса приводятся слова Откровения о том, что *плоть и кровь Царства божия не наследуют*. То есть человек душевный сам по себе ещё имеет сильную «удобопреклонимость (предрасположенность) к греху», он более тяготеет ещё к животному и до поры закрыт для духовных состояний. Такой человек ещё ветхий и страстный, и духовное может даже вызвать у него ярость или безразличие.

В свою очередь, и те, кто считает местом обитания души кровь, возможно, не столь уж далеки от истины. Нахождение души в крови могло бы многое прояснить. Стало бы, в частности, ясно, что душа неразрывно соединяется с телом через разветвлённую систему кровеносных сосудов, в том числе и через многие километры мельчайших капилляров — это обеспечивает ей «доступ» к самым отдалённым угол-

кам нашей обожаемой плоти. Мы поняли бы, как душа может «убеждать в пятки» или, что означает выражение «это у него в крови», когда речь заходит о каких-то врождённых чертах, особенностях или талантах того или иного человека. А сколько бесовских магий и ритуалов связано именно с кровью?!

Святые отцы получали от Бога особый дар видеть душу такой, какая она есть, — но видеть не обычным линейным зрением, настроенным на восприятие этого, физического мира, а «зраком души», которому подвластны и невидимые пространства.

Какой же они находили душу?

Они «видели» размытые и, вместе с тем, вполне рельефные *контуры человеческого тела*. Не светящееся яйцо с нитевидными отростками в точке сбора, как индеец-маг Дон Хуан у Карлоса Кастанеды, а именно мерцающую фигуру человека. И нам уже не надо объяснять, почему. Повторимся: душа ведь условно содержится в крови (не будем придирааться к терминам), а кровь пронизывает все без исключения части тела, следовательно, Отцы наблюдали душу как образ «внутреннего человека». Мало того, им были видны все её (души), повреждения и бо-

лезни, духовные язвы и гнойники, вызванные разрушительным действием грехов и страстей. Приведу слова известного Оптинского старца Варсонофия, адресованные его духовному сыну: «Нас называют прозорливцами, указывая тем, что мы можем видеть будущее; да, великая благодать даётся старчеству, — это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У нас кроме физических очей имеются ещё очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая, прежде чем человек подумает, прежде чем возникнет у него мысль, мы видим её духовными очами, мы даже видим причину возникновения такой мысли. И от нас не сокрыто ничего. Ты живёшь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу всё, что ты делаешь и думаешь. Для нас нет пространства и времени».

Конечно, и здесь больше вопросов, чем ответов. Что именно видят старцы? Что такое душа, и как она может «пребывать в крови», да ещё и имея некую, пусть и малую, массу? Что значит «душа пребывает» — она растворена, плавает, встроена в клетки крови? Вопросы, вопросы, вопросы...

Повторюсь, мы не знаем ответов на все эти вопросы, и, не исключено, что никогда не узнаем... Для своего же блага. *Всё*

нам дозволено, но не всё полезно — строго напоминает апостол. Очевидно, например, что знание сущности души вполне может быть закрыто для человека Богом с тем, чтобы свести к минимуму возможность его, человека, вмешательства в наиболее ответственные и деликатные аспекты её «работы» — как-то в управление вегетативной системой организма или беспристрастную фиксацию его «тайных дел», о чём ещё будет разговор.

Таким образом, душа таинственна и недоступна не только для постороннего праздного наблюдения («чужая душа — потемки»), но и для (!) произвола самого человека. Это ясно указывает на то, что подлинным господином души является Бог, вдохнувший её в Адама и, следовательно, по благодати во всех его потомков, и в этом смысле она вполне обоснованно может считаться Его эмиссаром в человеке.

*(Начало — в № 1,
продолжение следует)*